

Юрий
ПОЛЯКОВ

Любовь МОИСЕЕВА
Александр ГАМОВ

**ЧЕСТНОЕ
КОМСОМОЛЬСКОЕ**

Любовь Михайловна Моисеева
Юрий Михайлович Поляков
Александр Петрович Гамов
Честное комсомольское!

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50184626

Честное комсомольское! – Поляков Ю. М., Моисеева Л. М., Гамов А. П.:

Книжный мир; Москва; 2019

ISBN 978-5-6042521-4-7

Аннотация

Каждый большой писатель, тем более, когда он еще и публицист, становится, вольно или невольно, «зеркалом» своей эпохи. Но при одном обязательном условии – если он искренен. Иначе зеркало получится кривое. Именно искренностью пронизаны произведения Юрия Полякова, этим и привлекают они читателя. А еще – искрометным юмором, зашкаливающей афористичностью, невзиранием на лица. Все это привело к тому, что его романы, пьесы и статьи стали летописью российской жизни за несколько десятилетий: от публикации «ЧП районного масштаба» до наших дней.

Поэтому новая книга Юрия Полякова и получила свое название – «Честное комсомольское»: в ней воплотилась та правда жизни, которая так характерна для автора. А еще потому,

что эта по-своему уникальная книга – результат его длительного сотрудничества со звездами журналистики Любовью Моисеевой и Александром Гамовым, много лет работающих в легендарной «Комсомольской правде». Без их острых, порой неудобных, порой шуточных вопросов не родились бы на свет остроумные и откровенные ответы автора, составившие лучшие ее страницы.

«Честное комсомольское», без сомнения, можно назвать дневником нашей эпохи. Так что, дорогой читатель, если вы не страдаете правдобоязнью, она – для вас.

Содержание

Наш неудобный давний автор	6
Правда заблуждений	12
Интервью	29
Русская элита, мы научим тебя родину любить!	29
О Станиславе Говорухине	52
«Кубышку открывают, чтобы задобрить либеральных деятелей искусства, а патриоты и так никуда не денутся...»	60
«Хотите завоевать доверие молодежи?	77
Разберитесь с коррупцией, а не имитируйте борьбу с ней»	
Конец ознакомительного фрагмента.	84

**Юрий Михайлович
Поляков, Любовь
Михайловна Моисеева,
Александр Петрович Гамов
Честное комсомольское!**

© А. П. Гамов, 2019

© Л. М. Моисеева, 2019

© Ю. М. Поляков, 2019

© Книжный мир, 2019

Наш неудобный давний автор
Предисловие главного редактора
«Комсомольской правды»

Сначала Юру по всем кочкам несли в ЦК ВЛКСМ. Потом дали премию Ленинского комсомола... Поляков и сегодня не сидит за печкой... Писатель Юрий Поляков – давний друг и автор «Комсомольской правды». В этой книге собраны обширные интервью, которые Юрий Михайлович дал нашей газете, радио и телевидению «Комсомолки» (а конкретнее – журналистам Любови Моисеевой и Александру Гамову) в течение более 23-х лет – с 1996 года! Начиная с эпохи знаменитого поляковского «Козленка в молоке».

Я, честно говоря, и сам удивился, увидев эту пачку публикаций. Оказалось, их очень много! Но, с другой стороны, а почему нет? Мы Юру Полякова знаем уже, наверное, страшно сказать, лет 30, а то и больше, с той самой его первой скандальной повести «ЧП районного масштаба», опубликованной в 1985-м, которая в тех условиях была, конечно, рискованнейшим экспериментом.

И все потому, что с этим самым «ЧП» он, скорее всего, должен был бы пополнить ряды диссидентов, вечно гонимых, никуда не пускаемых. Уже при одном появлении в издательствах таких «изгоев» в глазах редакторов появлялся нескрываемый ужас. Подобный автор, даже при наличии несомненного выдающегося таланта, был обречен работать дворником или кочегаром в котельной и складывать свои произведения в стол. Одним словом, писателя-смельчака, реальнее всего, подстерегали проблемы и горести: ЦК

ВЛКСМ – под неусыпным руководством ЦК КПСС – ну очень не любил подобные правдивые – острокритические произведения литературы.

Но случилось необычайное: повесть напечатали, и она несомненной яркостью и талантливостью автора вызвала необычайный общественный резонанс. Мы тогда были самой читающей страной мира, и автор в буквальном смысле проснулся утром знаменитым! А потом на основе поляковского «ЧП» появился фильм, в котором блестяще сыграл тогда очень молодой Игорь Бочкин. И эротические сцены там были – большая редкость по тем временам! И весьма правдиво написанные картинки пьянок нашей коммунистическо-комсомольской номенклатуры... Все это стало большой революцией в советской литературе, где прежде партийно-руководящая верхушка тактично описывалась – только и сугубо – исключительно в виде мудрой направляющей силы.

Повесть «100 дней до приказа» стала еще одним потрясением для тех, кому мало было первого. Уже эти произведения показывали, что родился не просто талантливый автор, но – литератор, смелый, мужественный, гражданственный.

Так создавалась репутация остросоциального, отчаянно-го писателя, которая с каждым последующим произведением только упрочивалась. «Работа над ошибками», «Апофегей», «Демгородок», «Небо падших», «Замыслил я побег...», «Грибной царь», «Гипсовый трубач» – вот неполный перечень произведений, в которых выковался редкий дар са-

тирического афористичного стилия.

Конечно, можно по-всякому относиться к Полякову... На самом деле у него много врагов – как-то вот он умеет этих врагов создавать своим творчеством. Одни до сих пор не могут простить присвоения ему премии Ленинского комсомола. Другие, а именно обиженные комсомольские работники, – точат на него зуб за то, что он прилюдно их «раздел» и показал все неприглядные тайны. Потом это были возмущенные военные...

В последние годы у Полякова появилась другая разновидность «оппонентов и противников», которая в своем неприятии доходит до полного абсурда, обвиняя его уже в том, что он... бездарен! Видимо, иных аргументов нет, ибо любому очевиден его безусловный талант, но он говорит вслух очень неудобные для многих вещи. Досталось ему и за то, что он выразил сомнение в величии писателя Александра Солженицына. Просто пух летел и перья ломались в дискуссии о том, «ху есть все-таки господин Солженицын»: гений и великий писатель земли русской, как Лев Толстой, или же талантливый художественный исследователь жизни, который тоже ошибался, порой был неправ в своих исторических изысканиях и которого, наверное, не стоит, учитывая некоторую спорность каких-то его утверждений, целиком тащить в школьную программу.

В последнее время масла в огонь стали подливать и публицистические статьи и выступления Юрия Полякова, в кото-

рых он остро критикует власть с точки зрения государственности и патриотизма. То есть, определенная часть творческой интеллигенции его в который раз заклевала страшно и навешали на него всех собак – за то, что он снова усомнился в очередных постулатах, как с ним случилось и 20, и 30, и 40 лет назад.

Но ведь опять – не испугался плыть против течения, собирая синяки и шишки на этом пути! Ну, и разумеется, этот наш комсомольский парень, обкатав себя в литературе и кино (он, кстати, соавтор сценария знаменитого говорухинского «Ворошиловского стрелка» с Михаилом Ульяновым в главной роли) шагнул на театральные подмостки. Сегодня спектакли по пьесам Полякова идут по всей России, в странах ближнего зарубежья и Европы... К чести наших журналистов и театральные репертуар Юрия не ускользнул от их внимания, а многие его премьеры стали информповодом для острых и увлекательных бесед, ну, и конечно, новых нападок.

Я, кстати, с удовольствием посмотрел в Театре Сатиры спектакль «Чемоданчик» в постановке Александра Ширвиндта, где одну из главных ролей сыграл блистательный Федор Добронравов.

А зачем самому Полякову «Комсомолка»? Во-первых, традиция – в стране нет другого такого крупного издания с «комсомольскими корнями и подходами» – к жизни и творчеству. Ну, а потом, такой Мастер, как Юра, всегда видел и

находил в нас, и правильно делал, своих защитников и заступников. В своих статьях и интервью «Комсомолке» Юрий Поляков предстает в разных ипостасях: и как писатель, автор художественных произведений, и как общественный деятель, и как главный редактор «Литературной газеты» (теперь он в ЛГ председатель редакционного совета), и просто как живой человек – с личными переживаниями, радостями, драмами... Ну и, само собой, как писатель, имеющий на все свою собственную точку зрения.

В общем, годы идут, а Юрий Поляков остается по-прежнему конфликтным, ярким, востребованным и не боящимся говорить свою правду.

Нашу правду...

Владимир СУНГОРКИН,

лауреат премии Ленинского комсомола.

Правда заблуждений

1

Сейчас даже трудно представить себе, чем для моего поколения была пресса, подведомственная, скажем казенно, комсомолу – этой величайшей молодежной организации XX века. Каждый советский ребенок, вырослел и развивался, поднимаясь с уровня на уровень по ступеням молодежной периодики: «Веселые картинки», «Мурзилка», «Пионерская правда», «Костер», «Комсомольская правда», «Смена», «Студенческий меридиан», «Молодая гвардия»... Но «Комсомолка» занимала в сердцах юношей и девушек, обдумывающих житье, особое место. Она во многом формировала личность – мировоззрение, общественные взгляды, нравственные установки, эстетические вкусы, давая целокупный взгляд на жизнь. Удивительное дело, но это была газета, которую захлеб читали и подростки, студенты, и зрелые люди, и поседевшие к тому времени строители «Магнитки». Как удавалось этого добиться тем, кто делал газету, – для меня тайна. Я сам подписался на «Комсомолку», сэкономив на школьных завтраках, еще до того, как вступил в ВЛКСМ, а вступил я в него в 1968 году.

Любимой моей полосой в КП был легендарный «Алый парус», куда я лет в пятнадцать послал свои стихи, уверенный в том, что по уровню мастерства вплотную приблизился к Пушкину. Отделы писем в периодических изданиях работали тогда с точностью атомных часов, и вскоре я получил вежливый отказ, совет настойчивей работать над стихами и, конечно, не унывать. Я последовал совету, и впервые мои стихи были напечатаны в «Комсомолке» в «Алом парусе» под рубрикой «Письмо без марки» в 1976 году во время моей службы в Группе советских войск в Германии:

*Полночный гость в квартиру постучит,
Сухая половица где-то скрипнет,
А бабушка моя проснется, вскрикнет
И успокоится – дед взял на фронт ключи.*

С тех пор мои стихи не раз появлялись на страницах любимой газеты. Мало кто знает, что и нашумевшую повесть «ЧП районного масштаба», написанную в 1981 году, сначала хотели с продолжениями печатать именно в «Комсомольской правде», в этом пытался убедить большое начальство тогдашний главный редактор Геннадий Селезнев. Но начальство колебалось. Во-первых, газета только что с продолжениями опубликовала пространную повесть о райкомовских буднях своего же сотрудника Виктора Липатова, творившего в жанре «конфитюрного реализма». Давать буквально следом совершенно иную, совсем не «кондитерскую» версию

комсомольской повседневности было как-то неловко, да и небезопасно при гигантском многомиллионном тираже издания. Во-вторых, уперлась цензура.

Любопытно: когда повесть в 1985 году вышла в журнале «Юность», возглавляемом Андреем Дементьевым, Липатов тиснул в «Комсомолке» разгромную рецензию «Человек со стороны». Обидно, слушайте: я человек, прошедший все ступени комсомольской иерархии от комсорга 8 «Б» класса 348-й московской школы до кандидата в члены ЦК КПСС, – и вдруг человек со стороны! Впрочем, «Комсомолка» же первой поздравила меня с премией Ленинского комсомола, которую мне за «ЧП» вручили уже в следующем, 1986 году. Самокритичность всегда была отличительной чертой ВЛКСМ.

В апреле 1987 году я стал делегатом XX съезда ВЛКСМ, и «Комсомолка» напечатала мое скандальное выступление. Мне удалось впервые с такой высокой трибуны поднять вопрос о «дедовщине», язве, разъедавшей Советскую Армию, а также поведать о том, что моя повесть «Сто дней до приказа», бичующая это позорное явление, вот уже семь лет как запрещена и «ходит по мукам согласования». К тому времени я был уже опытным оратором и, читая выступление, заранее согласованное, сверял свои слова с реакцией зала, где добрую половину, а то и больше составляли мужчины, прошедшие срочную службу. В глазах делегатов было одобрение: «Ну, наконец-то! Сколько можно отмалчиваться!» Ме-

ня проводили бурными продолжительными аплодисментами.

В кулуарах, принимая крепкие мужские рукопожатия и слова солидарности, я краем глаза наблюдал нервическое оживление людей в военной форме, представлявших комсомольский подотдел ГЛАВПУРа. И вот после перерыва выступил Герой Советского Союза Игорь Чмуров, легендарный пулеметчик, чудо-богатырь Афгана. Он обвинил меня в клевете на Вооруженные Силы и заявил, что никаких неуставных отношений в армии нет и быть не может. Зал ахнул, но затем, повинувшись примеру скандирующей группы, встал как по команде, и устроил Чмурову овацию. Я поначалу оставался сидеть в кресле, но руководитель нашей московской делегации чуть не силой поднял меня: «Юра, на нас смотрят! Нельзя отрываться от масс!» Я встал и присоединился к овации.

Повесть «Сто дней до приказа» вышла через полгода в той же «Юности», когда Руст преспокойно приземлился на Красной площади, а Горбачев в приступе заготовленной ярости поменял сразу всю верхушку Вооруженных сил, где, очевидно, зрел заговор против его разрушительного прожектерства. Дементьев, узнав о громких отставках, срочно поставил повесть, давно набранную и сверстанную, в текущий номер. Но ему тут же позвонили из всемогущей военной цензуры и сказали: «Напрасно вы это сделали, Андрей Дмитриевич, мы все равно не пропустим Полякова!» «Вы бы лучше Руста на

Красную площадь не пустили!» – ответил автор «Лебединой верности», и в ноябре 1987 года повесть увидела свет!

Конечно, для меня, как писателя, это было долгожданное и радостное событие. Литераторы часто пишут «в стол», но не по собственному желанию. Каждая рукопись – это сперматозоид стремящийся стать человеком. Впрочем, люди рождаются разные. Но если говорить объективно, с учетом исторического опыта, то должен сказать вещь, которая понравится не всем: политическая система, в которой главный редактор журнала может послать куда подальше военную цензуру, обречена. Так и случилось. Вскоре распался СССР, была свергнута Советская власть, упразднена Коммунистическая партия, а следом и – комсомол.

Но «Комсомольская правда» осталась. Почему? Наверное, потому, что у комсомола была своя правда.

2.

То, что случилось со страной в конце 1991 года, я категорически не принял и снова оказался в оппозиции, но теперь более ожесточенной и непримиримой, нежели прежде, когда я обличал недостатки советского строя. Трибуну для выражения моих тогдашних, более чем несвоевременных мыслей, мне предоставила «Комсомолка». Первая статья, опубликованная в декабре 1992 года, называлась «От империи лжи – к республике вранья». Название говорит, думаю, само

за себя. В течение четырех лет протуберанцы своего гражданского негодования я выплескивал на страницы «КП», что не всегда проходило безнаказанно для газеты, о чем ниже. Знакомясь со статьями, собранными в этой книге, читатель сможет убедиться, насколько я был неосторожен. Должен сказать, именно в «лихие девяностые» я написал больше всего яростных публицистических статей. Слава богу, в России тогда борьба с инакомыслием писателей не дошла до того ожесточения, которое на Украине стоило жизни Олеся Бузине.

В детстве, как начинающего читателя, меня огорчало, что в собраниях сочинений классиков следом за любимыми произведениями идут зачем-то тома с публицистикой. «Не могу молчать!» Эх, Лев Николаевич, лучше бы ты помалкивал и сочинял продолжение «Войны и мира», ведь так и не рассказал, как Безухов стал декабристом, а Наташа поехала за ним в Сибирь. Или – Пушкин! Сколько наш гений потратил сил на газетные перепалки с Булгариным, а «Египетские ночи», отраду отроческого эротизма, так и не закончил. Жаль... Только с годами я понял, какое это увлекательное чтение – публицистика былых времен. Она доносит до нас бури и страсти минувшего, нравственные искания и политические сшибки, сотрясавшие людей, давно умерших, и страны, давно исчезнувшие с карт! Нет, это не прошлогодний снег, точнее сказать, это некогда раскаленная, а теперь застывшая лава. И ее прихотливые нагромождения странно

напоминают ландшафт нынешней жизни. Впрочем, ничего удивительного: проклятые вопросы и бездонные проблемы мы получили в наследство вместе с нашей землей, историей, верой, вместе с супостатами – внутренними и внешними. Прочтешь какое-нибудь место из «Дневника писателя», глянешь в телевизор, послушаешь очередного вольнонаемного охмурялу и ахнешь: «Ну, Федор Михайлович, ну, пророчище!»

Взглянем на проблему с другого бока. А почему поэты, прозаики, драматурги пишут статьи? Неужели они не могут свести счеты со временем при помощи, скажем, могучей эпопеи, разительной поэмы или комедии, которую современники тут же растащат на цитаты, как олигархи растащили общенародную собственность? Есть еще памфлеты, антиутопии, эпиграммы, позволяющие от души поквитаться с подлой действительностью.

*Хоть простыл варягов след,
Но все те же трюки:
«Ах, у нас порядка нет!»
И пришли ворюги.*

(1991)

Однако литераторы, в том числе автор этих строк, продолжают писать статьи. Почему? А потому, что процесс художественного творчества долгов, сложен, противоречив и непред-

скажем. Да и само влияние художественного текста на общество неочевидно и ненадежно, напоминает скорее поддерживающую терапию или даже гомеопатию. А как быть, если требуется молниеносное врачебное вмешательство – тот же прямой массаж сердца?

Ведь случаются события, от которых, как пелось в революционной песне, «кипит наш разум возмущенный», когда хочется отхлестать гнусную рожу действительности наотмашь, вывалить политикам, соотечественникам, самому себе все и сразу, пока не остыл, не забыл, не перекипел, ведь отходчив русский человек, непростительно отходчив...

Публицистика необходима писателю еще по одной причине. Статьи, точно предохранительные клапаны, позволяют литератору выпустить лишний пар – социальный гнев, ярость оскорбленной нравственности, мимолетную обиду на свинства эпохи, тоску бытовых неурядиц. Это важно, ибо настоящий художник не должен валить в свое произведение шелуху сиюминутности, он обязан отсеивать осмысленные зерна жизни. Ныне появились литераторы, которые с помощью сочинительства лечат себя от ночных кошмаров и социального уныния, но, увы, чтение их текстов мало чем отличается от визита к дантисту, подрабатывающему проктологом. Да, художник имеет право на пристрастие, но без гнева. Он должен попытаться понять всех, ведь у самого последнего негодяя есть своя правота перед Богом, а у самого нравственного человека – свои помрачения сердца. Но об этом –

в моих романах, повестях, пьесах...

Должен заметить, реакция общества и власти на публицистические высказывания гораздо острее и болезненнее, нежели на художественно упакованные инвективы. Иные начальники государства даже испытывают пикантное возбуждение, узнавая себя в цветистых сарказмах романиста. Но не дай бог заикнуться о том же самом в газете: старуха Цензура тут же заточит свой синий карандаш. 6 октября 1993 года «Комсомольская правда» опубликовала мою статью «Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!», осуждавшую расстрел Белого дома.

Все антиельцинские издания был и кто му времени запрещены, и моя статья оказалась единственным в открытой прессе протестом против утверждения демократии с помощью танковой пальбы по парламенту. Между прочим, сто-крат проклятые за жестокость большевики Учредительное собрание всего-навсего распустили. Почувствуйте разницу! В итоге «Комсомольскую правду» тоже закрыли. Правда, на один день. Потом одумались и открыли. А меня занесли в какой-то черный список, из которого вычеркнули только при Путине. Не могу сказать, что это сильно омрачило мне жизнь, хотя, скажем, из школьной программы разом вылетели мои повести, из энциклопедий исчезла всякая информация обо мне. А «Литературная газета», где я прежде был любимым автором, закрыла передо мной редакционные двери до скончания века, точнее, до 2001 года, когда меня при-

звали туда главным редактором. Нет, я не жалуясь, а хочу обратить внимание на то, что любая власть борется с инакомыслием одинаково: начинает с замалчивания, а заканчивает замачиванием.

В декабре 93-го в той же «Комсомольской правде» вышло мое эссе «Россия накануне патриотического бума». Друзья и недруги решили, что я повредился в уме от политических треволнений. В самом деле, в то время слово «патриот» стало почти бранным, а теледикторы, если и произносили его, то с неприменной брезгливой судорогой на лице. Не знаю, откуда взялась уверенность, что строить новую Россию нужно на фундаменте стойкой неприязни к Отечеству, но могу предположить: идея исходила от тех политических персонажей, которые видели в «новой России» лишь факторию для снабжения цивилизованного Запада дешевым туземным сырьем. С патриотизмом боролись так же истово и затейливо, как прежние воинствующие безбожники с религией. И так же безуспешно. Мой прогноз оказался верен: сегодня патриотизм опять в чести, государство финансирует дорогостоящие программы по воспитанию отчизнолюбия, на автомобилях развеваются георгиевские ленточки, кудрявые эстрадные попрыгунчики снова запели о русском раздолье, а те же самые теледикторы артикулируют трудное слово «патриотизм» с тяжким благоговеньем. Но почему, почему же у меня никак не исчезнет ощущение, что живу я все-таки в фактории, занимающей одну седьмую часть суши?

Если литератор выступает с публицистическими вещами регулярно, то он невольно пишет дневник эпохи. При одном обязательном условии – если он искренен. А искренность в писательской публицистике встречается не так уж и часто, хотя, казалось бы, именно откровенностью интересен читателям литератор. Лукавство – это, скорее, трудовой навык политика. Впрочем, по моим наблюдениям, число профессионально неискренних писателей неуклонно растет, это, наверное, является какой-то мутацией, вроде клопов с запахом «Шанели». И нынче редкий столп общества или вечнолояльный деятель культуры отваживается перепечатать свои статьи в том виде, в каком они увидели свет двадцать, десять или пять лет назад. Для этого надо верить в то, что твоя деятельность не была противоречива до идиотизма или изменчива до подлости.

3

В моем архиве собрано более сотни интервью, которые я давал разным изданиям на протяжении без малого 35 лет. Некоторое время назад я собрал их в два толстых тома «Государственная недостаточность» (1986–2005) и «Созидательный реванш» (2006–2015). В них речь идет о писательских делах, шире – о культурном процессе, и, конечно, о политике, общественной жизни, ибо последние десятилетия нашей истории буквально переполнены событиями и ка-

таклизмами. Но чаще и больше всего, пожалуй, речь заходила о нравственном нездоровье общества. В 1990-е я называл это явление «десовестизацией», позже, в нулевые годы, – социально-моральным недугом, который обостряется во время общественных катаклизмов и последующей «разрухи в головах». «Вирус нравственного дефицита» поражает духовный иммунитет, обычно поддерживаемый теми этическими нормами и табу, которые человечество вырабатывало на протяжении тысячелетий. Люди всегда грешили и каялись, но если грех воспринимают всего лишь как постмодернистскую шалость или новый шаг к гуманизму без берегов, – жди всемирно-исторической беды.

Должен заметить, интервью – коварный жанр. Даже самый лукавый и уклончивый деятель в спонтанной беседе с умным журналистом невольно проговаривается и выдает то, что старательно прячет, скажем, в своем творчестве или публичных выступлениях. Иллюзия сиюминутности и необязательности заставляет человека в беседе быть искреннее, нежели он обыкновенно себе позволяет. Это делает интервью уникальным источником достоверных сведений о людях и происшествиях эпохи. Кстати, именно поэтому редкий политик или деятель культуры отваживается, собрав свои многочисленные газетно-журнальные беседы в отдельную книгу, отдать их на суд читателей в перевозданном виде. Правят так, что от первоисточника почти ничего не остается.

Я же не боюсь предстать перед читателем в изменчивом

развитии, ибо заблуждался не в поисках выгоды, а если и обольщался, то от бескорыстной веры в торжество справедливости и здравого смысла, который побеждает обычно в тот момент, когда башня, сложенная из нелепостей, падает на головы строителям. Готовя тексты интервью к печати, я лишь исправил ошибки, неточности, погрешности стиля, объяснимые торопливостью, но оставил в первоизданном виде все прочее, хотя мне и неловко за иные тонкоголосые пророчества и наивные суждения. Зато некоторыми моими прогнозами и оценками я горжусь, как поэт гордится метафорой, такой яркой и внезапной, что соперникам по джигитовке на Пегасе остается лишь завистливо цокать языками.

Мои ошибки, заблуждения, обольщения, которых достаточно в собранных интервью, происходят не от желания приспособиться к эпохе, а от стремления разобраться в том, «куда влечет нас рок событий». В сущности, тот путь, который за минувшие десятилетия проделал молодой «прогрессивный» прозаик, автор нашумевшей повести «ЧП районного масштаба», проделала и вся думающая часть нашего общества. Мы все изменились. Правда, одни это сделали, ища истину, другие – выискивая выгоду. С годами у меня, кстати, возникло мнение, что заблуждение – иногда самый короткий путь к правде.

Всякая беседа – плод совместного творчества интервьюируемого и интервьюера. А эта книга и вообще уникальна. У каждого человека, чья профессиональная деятельность ста-

ла информационным поводом, есть близкие по духу журналисты, обращающиеся к нему чаще, чем другие. Я не исключение. Впрочем, встречаются и такие журналисты, которые заранее не любят тебя, всячески окарικатурируют твои мысли, слова, поступки. Мне даже пришлось в одном сборнике интервью поместить два параллельных текста. Один из них – тот, что журналист А. Никонов опубликовал под видом беседы со мной, конечно, не завизировав, в «Новой газете», с которой после того случая пришлось разорвать всяческие отношения. А ведь я был автором «пилотного» номера этого издания, поддерживал товарищеские отношения с главным редактором Д. Муратовым. А второй текст – это то, что я говорил на самом деле. Как-то знакомый преподаватель факультета журналистики сообщил мне, что на примере этих двух интервью учит студентов, как ни в коем случае нельзя брать и готовить к печати интервью.

Но вернемся к честным, объективным и профессиональным журналистам. Так вот, мое информационно-творческое содружество с журналистской четой Любовью Моисеевой и Александром Гамовым, думаю, не имеет аналогов. Мы сотрудничаем более двадцати лет, в результате в «Комсомольской правде» появилось более полутора десятков бесед. Я хорошо помню, как мы познакомились с Александром Гамовым, самым известным журналистом президентского пула. Он приехал ко мне в Переделкино в самом конце 1995-го – поговорить о недавно вышедшем романе «Козленок в мо-

локе». В тот период мои отношения с «Комсомолкой» переживали период охлаждения, даже отчуждения в связи с позицией тогдашнего главреда Владислава Фронина. Позже он перешел в «Российскую газету», и на ее страницах разгорелась моя полемика с вдовой Солженицына. Увы, от читателей был скрыт тот факт, что, по результатам голосования на сайте «Российской газеты», большинство читателей поддержало мою позицию, а не точку зрения Солженицыной. Подробнее о той громкой полемике 2014 года можно прочитать в моей книге «Левиафан и Либерифан».

Но тогда, в 1995-м, «Комсомолку» ненадолго возглавил Валерий Симонов, именно он, будучи еще заместителем главного, настаивал на публикации моих неудобных статей. Думаю, именно по его наводке в моей комнатке в доме творчества «Переделкино» и появился Александр Гамов. Живой, ироничный, он мне понравился сразу, особенно его лукаво-провокационные вопросы, свергающие автора с вершин самолюбования на грешную землю к людям. Подозреваю, подобные вопросы Гамов задает и Путину при первой же возможности. Интервью про козленка и амораловку прочитали тогда все.

А вскоре «Комсомолку» возглавил Владимир Сунгоркин, превративший газету, переживавшую сложные времена, особенно после пожара на улице Правды, в мощный информационный центр – с множеством интересных приложений, с блестящим Интернет-сайтом, со своим радио и даже теле-

видением. При этом Сунгоркин, что большая редкость, продолжал, активно работать как журналист и глубокий социально-политический аналитик. Так вот, большинство интервью, собранных в этой книге, – рождались как свободные беседы в студии и транслировались по радио «КП», затем видеозаписи выкладывались на сайте «Комсомолки». Как правило, беседовали со мной Александр Гамов и его жена Любовь Моисеева, напоминая при этом двух следователей, правда, в отличие от классической схемы, оба они были добрыми дознавателями. Но Александр отличался въедливой иронией, а Любовь сердечной пытливостью. В паре они работали виртуозно. Однако мы, люди XX века, понимали: эфир и интернет – это хорошо, даже прекрасно, но интервью канет в океане информации, если не положить его на бумагу, поэтому мы всегда готовили газетную версию беседы, рихтуя случайную невнятицу, сокращая необязательные длинноты и повторы. Часть легшей на бумагу беседы появлялась в «толстушке». Но в этой книге собраны полные, без изъята, версии моих бесед с Любовью Моисеевой и Александром Гамовым почти за четверть века нашего сотрудничества. Возможно, в них есть неверные прогнозы, излишняя самоуверенность автора, несправедливые обиды и чрезмерные упреки в адрес деятелей политики и культуры, но ручаюсь, что правдобоязни вы в этой книге не найдете.

Юрий Поляков, лауреат премий Московского и Ленинского комсомола

Переделкино, ноябрь 2018

Интервью

Русская элита, мы научим тебя родину любить!

*Знаменитый писатель, председатель
Общественного совета Министерства культуры
России сделал в эфире Радио «Комсомольская
правда» несколько сенсационных заявлений.*

Вы националист что ли, Юрий?

... Этот писатель с пустыми руками никогда к нам в «Комсомолку» не приходит – обязательно с новой книгой. Вот сейчас в обществе обсуждается его публицистическое произведение с несколько странным для комсомольца-интернационалиста названием, даже несколько провокационным «Желание быть русским». И наше интервью с писателем мы начали с вопроса, как говорится, в лоб:

– *Вы националист, что ли, Юрий?*

– Ну, вы... сказали, будто клеймом припечатали! В 1920-1930-е за национализм, и не только русский, могли и расстрелять. Я вообще-то ожидал подобной реакции

от определенной части российской интеллигенции, запутавшейся в своей этнической принадлежности, и, поднимая опасную тему, знал, что навлеку на себя негодование «граждан мира», предпочитающих зарабатывать на жизнь почему-то в России. Но от вас, Александр Гамов... Вы мне объясните, что плохого, если человек озаботился судьбой своего народа? Почему якуту или татарину можно, а русскому нельзя?

Не нужно стесняться говорить: «Я – русский!»

– Скажем прямо: нас тема национальности просто пугает. На этой почве проливается очень много крови. Нужно ли сейчас муссировать эту тему, да еще с таким посылом – о русских? Русские огромная нация, если этот медведь начнет ломать посудную лавку, мало не покажется никому.

– Во-первых, не такая уж и огромная, неуклонно убывающая, а если сравнивать с занимаемой территорией, так и просто маленькая. Во-вторых, чтобы медведь он не начал ломать лавку, надо хотя бы изредка интересоваться его здоровьем, самочувствием, спрашивать, как ему, косолапому, живется, какие у него вопросы к власти, к самому себе. И тема это взволновала меня не сегодня. Хочу, кстати, напомнить, что в конце 93-го года в «Комсомольской правде» вышла моя статья, которая называлась «Россия накануне патриотического бума». Тогда все тоже говорили: какой патрио-

тизм, это слово практически под запретом, его не услышишь ни на радио, ни на телевидении. Тем не менее, я оказался прав, власть очень озаботилась дефицитом патриотизма, без которого страна как организм без иммунитета. Жаль только, что патриотизм сегодня насаждают ровно те силы и персонажи, которые рушили его в 90-е. Впрочем, и это я в той статье предсказал.

– Юрий, а вы не преувеличиваете значение и потребность в этом чувстве? Мир сейчас настолько открыт и доступен, люди стремятся к единению, становятся людьми мира, границы государств если не стираются совсем, то во многом становятся условными. Какой тут патриотизм?

– История показывает, что без развитого патриотизма, не переходящего, естественно, в шовинизм и ксенофобию, невозможно развитие страны. Именно на патриотизм, на духовный подъем, на пассионарную энергию (термин Льва Гумилева) опираются главные свершения и прорывы. Если бы не было подъема патриотизма, то мы бы никогда не победили в Великой Отечественной войне. Заметьте, со второй половины 30-х годов абсолютный интернационализм советской власти вдруг обрусел. Вспомнили наших героев – и Александра Невского, и Суворова, и Кутузова, даже над русскими богатырями издеваться перестали. Появились книги, фильмы на эту тему, песни, памятники т. д. Почему? Потому что вступать в большую войну, будучи в ссоре с самым много-

численным народом страны, нельзя. Вот и одумались... отчасти...

– *Но сейчас же другая обстановка. Гитлера нет, слава Тебе, Господи.*

– Кто Вам сказал? Разве мы не находимся опять в конфронтации с консолидированным Западом? Разве НАТО не упирается в наши границы, как печень в ребра после хорошей выпивки? Но если тогда Запад был консолидирован, отчасти насильно, фашисткой Германией, то теперь, сами знаете кем...

– *Кем?*

– Соединенными Штатами Америками. Знаете такую страну? Против нас объявлены санкции, перспектива военного конфликта за океаном обсуждается открыто. Этого Вам мало? Но моя книга не про это. Я попытался осмыслить судьбу русского народа, его место в нынешней системе государства, разобраться, чем был русский народ в советской цивилизации. Делать вид, будто проблемы русских в России сегодня нет, это оказывать плохую услугу государству российскому. Кстати, хорошо сказал как-то Рамазан Абдулатипов о том, что у нас часто беспокоятся о судьбе малых народов, и это правильно, но часто забывают поинтересоваться, а как живет самому большому народу? А ведь именно от его самочувствия, в конечном счете, зависит стабильность страны.

– Но это же не связано с чувством национальной ущемленности! По нашему разумению, бедствия народа в большей степени связаны с другими факторами: экономическими, политическими.

– Разумеется, экономические и политические проблемы влияют на этнические, и наоборот, но природа у них разная. Советская власть тоже считала: если идеология ставит интернациональную, классовую солидарность и экономические связи выше национальных интересов, то так оно и есть на самом деле. В результате, мы получили распад Советского Союза именно по национальному признаку, да еще с кровавыми столкновениями в «спорных регионах». Если вы сейчас проедетесь по бывшим республикам СССР, то увидите: там сейчас построены этнократические государства при полиэтническом населении. В некоторых лимитрофах к русским относятся деликатно, в других, в той же Прибалтике, по-хамски. Но суть от этого не меняется: интересы титульной нации там стоят на первом месте.

– Но мы же в России не хотим строить такое государство, как, скажем, в Прибалтике. Мы не хотим делить людей по национальному признаку, у нас страна многонациональная.

– А я и не предлагаю строить у нас мононациональное государство, тем более – по образцу прибалтийского апарте-

ида! Во-первых это невозможно: Россия – многонациональное федеративное государство. И слава богу! Я говорю о том, что, скажем, у якутов, карелов, аварцев, калмыков помимо общенациональных устремлений, всегда будут и свои этнические интересы. И осуществляются они через структуры и органы автономий, гарантированных конституцией. А у русских автономии нет и быть не может в силу историко-географических причин. Значит, должно быть что-то другое. «Русский приказ» при правительстве РФ, Русский совет при президенте... Но ничего такого нет. Почему? Мы тоже народ а не этнический эфир!

Хотят ли русские кого-нибудь обидеть?

– Но чувство своей национальной идентичности входит в нас с молоком матери, и оно проявляется. Вот, например, однажды в Париже среди ночи довелось услышать, как нестройный хор пел – вы не поверите: «Россия, священная наша держава». Вот здесь, дома, тех соотечественников, может, и не заставишь спеть гимн, а там – пожалуйста, без понуканий, да с азартом, с гордостью!

– Скажу более... За границей наши сограждане разных национальностей для простоты представляются русскими. А вот на нашем российском телевидении (да и на радио тоже) я что-то вообще не слышал, чтобы кто-то отрекомендовался русским. Аварец гордо говорит, что он аварец, татарин то же

самое, еврей – так и всенепременно подчеркнет, что он еврей. А русский – промолчит. Неинтеллигентно, вроде как...

– *Может быть, русские просто не хотят обидеть других?*

– А почему, называя себя русским, я кого-то обижаю? Почему армянин или грузин, давно живущие в Москве и говорящие только по-русски, подчеркивая свою национальность, никого не обижают? Более того, они обидятся, если их назовут русскими. Но русским тут же начинают шить великодержавный шовинизм. А где вы его увидели? Разве кровавые конфликты на окраинах СССР допустили русские шовинисты? Нет, кремлевские интернационалисты во главе с Горбачевым и Шеварднадзе.

– *То есть, каким это образом? КПСС же просто холила и лелеяла национальные чувства народов в республиках, отделившихся потом от СССР.*

– Верно. Я и считаю, что национальные чувства, национальную культуру, язык надо охранять и поощрять. В том числе и русский. Распад СССР с межнациональными кровавыми столкновениями, с дискриминацией русского населения в некоторых республиках стал возможен как раз потому, что советская власть, оберегая национальные чувства народов, сквозь пальцы смотрела на оформление и политизацию национальных общин в той же Латвии, Эстонии или Лит-

ве, совершенно не заботясь о формировании русских общин. Более того, все попытки русских консолидироваться пресекались КГБ. Андропов терпеть не мог национально сориентированную русскую интеллигенцию, он их называл «русистами». При нем «русистов» репрессировали гораздо чаще, чем, допустим, либералов-западников.

А теперь поиграем в «альтернативную историю», представьте себе: в той же Прибалтике в 91-м году оказались нормальные, сплоченные, имеющие свои структуры, актив русские общины. Даже если бы Прибалтика отделилась (в чем я сомневаюсь) там бы сформировался другой правящий слой, другие парламенты с решающим голосом русского населения. И сегодня Прибалтика не была бы форпостом НАТО. Вот как бывает плохо, когда в Кремле недолюбливают «русистов». Та же история в Грузии. А начиналось все с жупела придуманного «великорусского шовинизма». Какой шовинизм, если братьям Аксаковым еще в середине XIX века полиция запрещала по Москве ходить в русских национальных одеждах!

– Считалось, что маленькие народы надо оберегать, чтобы они не ассимилировались с большим народом, не исчезала их культура, их язык, их надо было поддерживать. А русских так много, это такая сильная нация, государствообразующая, зачем их защищать?

– Ну, да, конечно, а как же! Русских надо бросать на

все авралы, прорывы, затыкать ими военные ошибки, экономические провалы, перераспределять средства на окраины! Большой этнос, старший брат, ему положено терпеть. В итоге в середине 1970-х Нечерноземье, а на самом деле Центральную Россию, пришлось восстанавливать, как после войны. ЦК КПСС специальное постановление принял не без влияния «деревенской прозы»: Распутин, Абрамов, Белов... Ну, ладно, большой, так большой... Но теперь, когда мы стали самым большим разделенным народом, когда в лимитрофах русские оказались меньшинством, кто защитит их интересы? Москва? Что-то не слышно. Хорошо, что во главе иных новых стран оказались разумные люди... А там, где оказались неразумные?

Хороший русский свою страну не хаает?

– В своей книге вы приводите эпизод, когда журналистка из Канады, послушав одного из выступающих из России, спросила: «А что, разве русские писатели к нам больше не ездят?» – «С чего вы взяли, что эти нерусские, которые ездят?» Она говорит: «Русские свою страну так не хаают».

– Да, это правда.

– А почему мы не должны выявлять какие-то недостатки, проблемы, больные места? Ведь для того чтобы вылечить пациента, врач сначала ставит диагноз.

– Критика и охаивание не одно и то же. Нормальная позиция: да, моя страна не идеальна, в ней множество недостатков, которые я хочу изжить. Но в любом случае – это моя страна, которую я буду защищать, отстаивать – ее традиции, принципы, ее границы, включая наш Крым. Я буду радоваться ее достижениям, успехам, обличать пороки и провалы. Но совсем другое дело, если люди, которые представляют СМИ или литературу, считают нашу российскую цивилизацию тупиковой, о чем любят порассуждать, представляя нашу Державу за рубежами. Ни от французских, ни от американских журналистов я не слышал ничего подобного. От наших постоянно. Стоит ли удивляться, что у многих из них двойное гражданство.

– *А кто-то даже и уехал.*

– Да, но возвращаются, чтобы заработать в «немытой России». Но если тебе не нравится наша цивилизация, наша общность, раздражают русские, – лечись за рубежом. В Советском Союзе, когда было непросто эмигрировать, даже если ты еврей, я такие настроения понимал и даже сочувствовал: человека заставляют мыться в русской бане, а он любит финскую. Но теперь-то никто не держит: не нравится Бирюлево, живи на Брайтон Бич. Так нет же... Возвращаются, чтобы доругаться.

– *И вот вы решили, что у людей назрело желание быть*

русским?

– Оно всегда было. Но если учесть, как активно обсуждалось мое эссе в соцсетях и на сайте «Литературной газеты», видимо, желание быть русским сегодня обострено. Хотя у некоторых мысль об этом вызывает иронию. Кстати, название мне подсказал Козьма Прутков: у него есть стихотворение «Желание быть испанцем». Оно пародийное: смешно, когда уроженец российских снегов хочет быть испанцем. Вероятно, сегодня кому-то и желание быть русскими кажется нелепым. Кстати, собственная этничность смешной им не кажется. Любой народа существует, пока есть люди, которые хотят быть чукчами, кумыками, евреями, хакасами... И русский народ будет существовать до тех пор, пока не переведутся люди, которые хотят быть русскими. И исчезновение народа начинается с нежелания и боязни принадлежать к тому или иному этносу. Смысл происходящего на Украине именно в том, чтобы отбить желание быть русскими, говорить на родном языке, отказаться от исторической связи с Россией. Увы, пока им это удается.

Русский – это не по крови...

– Мы поняли название книги немного по-другому – с акцентом на слово «быть». То есть «быть» – значит проявлять себя, гордиться своей национальностью, не бояться открыто признавать это. И не бояться быть при этом об-

виненным в шовинизме и во всех грехах. Есть ощущение, что в вас говорит какая-то обида, что ли, что русский народ в этом плане как-то зажимается, ограничивается в этих своих проявлениях быть именно русским, а не каким-то другим.

– Да, это так. То, что у нас в России русским быть как-то неловко, и то, что во многих русских городах и весях запустение, это звенья одной цепи. Но говорить об этом не принято, даже опасно. Думаю, мне это тоже даром не пройдет.

– *Разжалуют. Сошлют?*

– Дальше письменного стола не сошлют.

– *Из русских писателей вас не исключат?*

– Из российских писателей могут, а из русских едва ли. Но вопрос настолько важен, что о себе думаешь в последнюю очередь. Смотрите, идет сильное изменение этнического состава населения. В Москве это уже бросается в глаза, но и в областных городах, районных центрах тоже заметно. Процесс это естественный, особенно если учесть имперскую природу нашей страны. Остановить его нельзя. К тому же, взаимодействие наций обогащает социум, но до тех пор, когда под удар не попадают цивилизационные основы. А носители нашего архетипа – русские люди.

– *Да у нас в каждом столько крови намешано: потри лю-*

бого русского – найдешь татарина. Или грузина. Или поляка. Или еще кого...

– Нет, это не так: русские одна из самых гомогенных, то есть, чистокровных наций. Не я это говорю, а генетика. Но правы вы в том, что в нашей цивилизации вопрос крови второстепенный. У нас русский тот, кто чувствует себя русским, хочет быть им.

– То есть, кто думает по-русски...

– ... Знаете, есть люди, которые по-русски думают, но говорят и пишут о русских гадости. Лучше сказать: они чувствую мир по-русски.

– Выпивает, в конце концов, по-русски.

– О, это уж обязательно! А если серьезно, надо хотеть быть русским и сознательно противостоять тем, кто разрушает наш уклад обычаи, язык, веру... Полиция тут не поможет. Нужно сплочение. Не зря же наши либералы так не любят слово «соборность».

– А литература?

– Настоящая литература всегда рождает общественное движение. Может, из-за этого русские писатели почти исчезли из телевизора?

– Средства массовой информации?

– Русская проблематика должна занимать в СМИ гораздо больше места, чем сейчас, помогать оформлению русским общин. Заметьте, в Москве есть очень влиятельные национальные общины – таджикская, узбекская, азербайджанская, армянская... А русская-то где?

– *Но при этом они граждане России.*

– Во-первых, не все. Во-вторых, мы говорим не о гражданстве, а об этнической принадлежности. Оттого, что графа «национальность» исчезла из паспорта, чеченец не перестал быть чеченцем еврей – евреем, а русский – русским. У нас есть и китайские, вьетнамские общины. Они тут работают, и слава богу, что работают. Речь-то о другом: если есть разные мироощущения и уклады, они всегда, так или иначе, будут притираться, не всегда мирно. А кто будет отстаивать русский уклад? Районная управа? Нет, русская община.

Мы – русский народ. Вымирающий...

– *Государство должно проявить какую-то инициативу?*

– Ну а как же! У нас есть национальные субъекты, там есть министерства, аппарат, занимающиеся проблемами данного этноса, как титульной нации. У русских этого нет в силу специфики расселения, в масштабах страны русской проблематикой никто системно не занимается. Ну, создайте, повторяю, в правительстве какой-нибудь русский Приказ, куда

можно прийти и сказать...

– *«Хочу, чтобы был „Русский дом“ в моей Астрахани».*

– Кстати, Астрахань – многонациональный город, и там тоже мощная русская община не помешает. Она нигде, кстати, не помешает. В Кимрах и Талдоме тоже.

– *Но, как мы понимаем, это должна быть какая-то самоорганизация населения.*

– В России любой самоорганизацией всегда занимается Кремль. Тем более что русских веками отучали самоорганизовываться. И отучили-таки. В свое время формирование национальных культур в современном виде происходило централизованно, была специально объявлена политика «коренизации», когда народам бесписьменным создавался алфавит, народам письменным, но не очень развитым (их Сталин называл «запоздавшие народы») помогали сформировать свою техническую и творческую интеллигенцию. Нынче в смысле национальной самоорганизации «запоздавшим» оказался русский народ. Помочь ему структурироваться, считаю, необходимо, даже с точки зрения возможных угроз, которые связаны, допустим, с исламским экстремизмом. А кто будет противостоять? Православная церковь – это хорошо, но православная церковь – духовная скрепа, не уверен, что она сможет организовать отпор даже украинским раскольникам, захватывающим храмы. Или возьмем

такой момент. Произошел конфликт на национальной почве, скажем, русских парней с какими-то «башибузуками». Поножовщина, жертвы, чаще среди русских, не приученных чуть что хвататься за ножи. Было? Было. Что дальше происходит? За интересы «башибузуков» поднимается местная национальная община...

– *Давят на власть, на полицию.*

– Правильно. А кто защищает русскую сторону? Власть? Почему? Государство в лице милиции, полиции, прокуратуры должны быть третейскими судьями, а не защитниками. Таких «защитников» покупают с порохами. Общину не купишь. Я много езжу по стране, и почти не вижу центров русской культуры, фольклора, быта...

– *Может быть, поэтому сорвалась государственная программа по возвращению соотечественников из-за рубежа?*

– Может быть... Смотрите: приезжает таджик в Москву и сразу попадает в орбиту таджикской общины. Возвращается на историческую родину русский человек, допустим, из старообрядцев, он куда попадает? В орбиту местных чиновников. А русской общины, которая могла бы помочь в обустройстве, оградить от неприятностей, защитить от произвола чиновников, – ее нет. Та же Москва – этот новый Вавилон, этнический котел, несплоченные этносы в нем просто растворяются. Так в истории было не раз. Где константинополь-

ские греки? Их нет. К тому же, рождаемость среди русских серьезно отстает от приезжих. Учитывается ли этот факт при распределении средств, которые выделены на поддержание многодетных семей? Вряд ли... Печально, но пока мы народ, скорее, вымирающий.

– Но вспомните объединение «Память», Русские марши. Государство с трудом побороло эти уродливые проявления национализма. Так как же удержаться в рамках, не скатиться от здорового национального чувства к экстремистскому национализму? Сейчас Поляков это знамя поднимет, а вдруг мы не туда уйдем с вашей книгой, с вашими мыслями и с вашим манифестом?

– Сначала власть в нарочито уродливой форме создала «Память» и прочее, а потом показательно под телекамерами победила. Так точнее. В моей книге нет ничего, ведущего к конфликту, наоборот, я разбираю те проблемы русских, которые, оставаясь нерешенными, могут привести к конфликтам. Почему это задевает? Когда при мне говорят о проблемах армян, грузин, евреев, живущих в России, я с пониманием отношусь к этому. Но как только речь заходит о проблемах русских, живущих в России, сразу начинается истерика, не всегда тихая...

– Нам кажется, что русскому человеку надо поднять самооценку, самоуважение, чувство собственного достоин-

ства. Мы же помним, как в 90-х годах нам просто вбивали в голову, что мы, русские, бестолковые, пьяницы, ни на что не способны. И сейчас слышишь: а что сделали, русские, что создали, что можете предложить другим народам? И у нас создается впечатление, что мы вообще никчемная нация.

– Слушайте, мы и час не беседуем, а вы уже встали на мою сторону! Об этом я и пишу. Нам действительно навязывался такой комплекс неполноценности. И есть мастера такого внушения. Особенно на ТВ. Они очень не хотят, чтобы русские сплотились. Но другого пути нет. Никто не говорит, что «Россия для русских». Это невозможно. Мы изначально, еще со времен Древней Руси, – многонациональное государство. Россия – для всякого существа в ней языка. Но в том числе и для русских тоже, о чем забываю. Власть, в том числе...

О крови и почве истории русской...

– Нам кажется, что еще меньше понимает это российская элита. И многие проблемы рождаются именно потому, что наша элита недостаточно осознаёт себя русской.

– Увы, у нашей элиты, в том числе у крупных чиновников (не говоря про олигархов), деньги – там, за пределами своей страны, семьи – там, дети – там, мысли – тоже там. Моя статья «Перелетная элита» три года назад наделала шума. В новой книге – продолжение этой темы. У нас нет русской элиты, ответственной перед своим народом и Отечеством. Когда

приезжаешь в столицы национальных образований, то сразу замечаешь: они благополучнее, чем русские города. Видно, национальная элита этих народов чувствует свою ответственность. И меньше ворует. «Русская» же элита тащит из страны, как мародеры из взятого города.

– *И что? В кандалы их и в Сибирь? Отнять и поделить?*

– Если нажито нечестно, если украдено, то и отобрать. Конфискация – красивое слово! И с каждым годом красивее...

– *А есть те, кто честно нажил?*

– Если честно, другой разговор. Хотя я и не верю в миллиардные состояния, честно нажитые за десять лет. Скорее дали подержать то, что в Советском Союзе строили и разведывали несколько поколений. Как могут недра кому-то принадлежать? Давайте отдадим им дождь и ветер! К тому же, русские богатеи – удивительные жмоты. К благотворительности их может подвигнуть только суровый окрик из Кремля. Впрочем, эта «элита» изначально создавалась как компрадорская, специально для сдачи политического и экономического суверенитета. Приход Путина был для них неприятным сюрпризом. Как такую элиту, переориентировать? Иван Грозный своих бояр «перебирал». Но мы живем в эпоху гипертрофированного гуманизма, когда за кражу в несколько миллиардов дают условны срок, а за пачку гречки, взятую в

универсаме, сажают...

– *Может быть, нам Лондон и Вашингтон помогут своими санкциями против наших олигархов?*

– Отчасти это уже происходит. Страна вынуждена развивать свою пищевую и обрабатывающую промышленность, которую компрадоры чморили и банкротили двадцать лет. На передний план начинают выходить люди дела, а не торговцы на вынос. Возможно, тут спасение.

– *А общество может этому как-то помочь, скажем, выходя на такие термины, как рукопожатный, не рукопожатный?*

– Я только что вернулся из Баку с премьеры моей пьесы «Одноклассница», переведенной на азербайджанский язык и поставленной в национальном театре... Мне, кстати, очень нравится, как развивается эта страна, сориентированная на интересы своего народа. Я разговаривали с одним из представителей азербайджанской национальной интеллигенции. Он спросил: «Юрий Михайлович, объясните, как у вас допускают, что миллиардер Тельман Исмаилов зарабатывал деньги в Москве, а строил миллиардный отель в Турции? У нас такое невозможно». Что я мог ему ответить? Ничего...

– *Более того. Помнится, как Исмаилов открывал этот отель, и как наша интеллигенция выстроилась в очередь к*

нему, чтобы выразить ему свое почтение... Как создать в обществе атмосферу неприятия, нетерпимости к непатриотичному, скажем так, поведению элиты?

– Атмосферу формирует, с одной стороны, власть. Она обязана (и исполнительная, и законодательная) создать такую ситуацию, чтобы человеку, который зарабатывает миллиарды здесь, не пришлось даже в голову вкладывать их там. Если он не понимает это в морально-этическом аспекте, значит, он должен осознать то же самое на уголовно-процессуальном уровне. А вот создание морально-нравственного климата – это уже задача общества, в том числе творческой интеллигенции, в том числе и национальной. Но как мы, русские, можем создавать этот климат, если мы не организованны, разобщены, если у нас нет общин и культурно-просветительских организаций, нет почти сориентированных на наши проблемы средств массовой информации? Если даже вы, коллеги, услышав слово «русский», напряглись, подобрав лишь к концу разговора! Не надо бояться человека, который хочет быть русским. Таких людей, наоборот, надо поощрять, помогать им. Бояться надо тех, чья национальность – это сумма прописью.

Есть такой очень интересный ученый, Валерий Соловей. У него есть книга «Кровь и почва русской истории», где он убедительно доказывает, что крушение и романовской империи, и СССР случилось именно тогда, когда власть перестала поддерживать русский народ. Это главная причина, осталь-

ное – следствия... Хотите верьте – хотите нет.

– *Русское население почувствовало себя обиженным?*

– Мало кто знает, налоги на русское население (имелось в виду русское, украинское и белорусское) при царе были почти в два раза больше, чем налоги на инородцев.

– *Да это и в Советском Союзе было практически так же. Многие дотационные республики жили лучше своего донора – РСФСР.*

– Соловей пишет о том же. Русское население просто устало от интернационального советского проекта. И мне бы очень не хотелось, чтобы русский народ так же устал бы от ноши демократической России.

– *Да, СССР был какой-то неправильной империей: она не обирала попавшие в ее орбиту иные народы, как делали все империи – британская, французская, испанская и так далее, а развивала окраины. То есть, если мы хотим сохранить империю, то не должны забывать об основе – о русском народе?*

– У нас не империя. У нас многоэтническое федеративное государство. Когда такое государство устроено правильно, не обижает ни один народ, оно чудеса способно совершать. Происходит синергия народов, что очень важно для прорыва на новые технологические, культурные, социальные

уровни. Но то же многонациональное федеративное государство, если есть нелепые перекосы, несправедливости, может разорваться на части, как лимонка. Я считаю, наша страна в целом развивается правильно. Стоит ли в третий раз за столетие спотыкаться на русском вопросе? Об этом моя новая книга...

О Станиславе Говорухине

Позвонив нашему давнему Герою, которого с ушедшим связывали совместная работа и дружба, мы произнесли его фамилию так же, как произносил ее Станислав Сергеевич – с ударением на «я»:

– *Это ПолЯков?*

– Да, да.

– *Юрий, мы прочитали вашу статью памяти Станислава Говорухина в «Литературной газете», она называется «Человек, который не опаздывал». Публикация нас растрогала. Здесь такой живой образ, и к тому же – какой-то «не причесанный». Так обычно пишут только о живых...*

– Я вспомнил какие-то эпизоды из нашей совместной работы со Станиславом Сергеевичем. Например, историю создания пьесы «Смотрины» для Михаила Ульянова. (Великого русского актера и руководителя театра им. Вахтангова. – *Авт.*) Я даже, по-моему, ее как-то читателям и радиослушателям «Комсомольской правды» рассказывал.

– *Да, было такое дело.*

– Но есть и эпизоды, которые раньше не вспоминал. Например, как был доверенным лицом у Говорухина, когда он

«тягался» с Путиным. (На выборах в 2000 году когда Владимир Путин впервые был избран Президентом России, Станислав Говорухин тоже был в числе кандидатов на этот пост. — Авт.)

– *Скорее, Говорухин тогда с Зюгановым соперничал. Вы у Зюганова отобрали полпроцента, видимо...*

– Не знаю, у кого мы отобрали полпроцента. Но формально, поскольку лидером гонки был Путин, то мы были его соперниками. Точнее, Станислав Сергеевич. Там был очень забавный эпизод. Говорухин, когда началась гонка, поскользнулся, по-моему, в бане это было, и сломал ребра. Попал в больницу. Не мог присутствовать на дебатах ни на радио, ни на телевидении. И выставил меня. Я ходил на все эти дебаты и выступал от имени кандидата в президенты Говорухина. Мы, правда, не говорили, с каким диагнозом он в больнице. Просто говорили, что заболел. И я постепенно так вошел во вкус, что начал уже сам себя ощущать кандидатом. (*Смеется*) А поскольку у нас политические взгляды со Станиславом Сергеевичем несколько различались, то я не совсем точно его позицию отображал. Он все-таки ближе к либералам: сказывалась и его молодость в многонациональной Одессе, и его круг общения. Если к нему применить то, что Вяземский сказал о Пушкине, когда его спросили, какие были взгляды у Пушкина, а он сказал, что Пушкин был либеральный консерватор или консервативный либерал, как хотите, то как раз

Говорухин был очень близок к этому определению.

С одной стороны, он был консерватор. Но круг общения у него в основном был либеральный. И он был человек в этом отношении далекий от русских имперских идей. А я как раз в то время уже ближе склонялся к русской консервативной идее. Я это все озвучивал на дебатах. Причем – они были в прямом эфире на первых каналах.

– Так вы ему помогли или навредили, Юрий, честно нам скажите?

– Я до сих пор не знаю. Но закончилось все тем, что после очередных дебатов по телевизору он мне позвонил из больницы и сказал: все, больше ты не ходишь на эти дебаты. Я не могу слушать ту ересь, которую ты несешь. Я завтра сам выхожу. И он досрочно выписался из больницы и в последние неделю-полторы уже сам всюду присутствовал. В результате – мы набрали грандиозные полпроцента. Слава богу, история подарила России шанс в виде президента Путина.

– Ваша публицистика в «Литературке» – с грустинкой, что вотушел человек, большой художник, который много чего недоделал, в том числе и с Поляковым вместе. Что у вас какие-то планы были...

– Вы знаете, мы довольно много общались. У нас были проекты, в которых Станислав Сергеевич предлагал мне участвовать. Он меня звал автором сценария, когда готовил-

ся делать ремейк знаменитого французского фильма «Лифт на эшафот». Я даже придумал несколько ходов, которыми он не воспользовался. Но и я отказался от этого проекта. Я считал, что зачем делать ремейки по французскому кинематографу? У нас масса хорошей своей литературы есть. Участвовал я в его проекте «Любовь в ритме jazz». Он иногда обращался ко мне за какими-то советами и предложениями с названиями. Вот это название – «Любовь в ритме jazz» – мы с ним вместе придумывали для этого фильма.

Когда он стал снимать Довлатова (фильм «Конец прекрасной эпохи». – *Авт.*), мы тоже с ним разговаривали. Я ему сказал: а что Довлатов? Он сказал: я понимаю, что это не очень большая литература, но никто так не показал, насколько чудовищно мы были несправедливы к советской власти. И во время нее страдали и мучились от того, на что сейчас даже не обращаем внимание. Это в фильме очень хорошо показано. Спросите зрителя: в чем конфликт? Ну, дескать, главного героя не печатают. Но не печатали тогда тысячи молодых писателей. У меня тоже не печатали «Сто дней до приказа» и «ЧП районного масштаба». Что же теперь, – ненавидеть за это страну, что ли? Там даже не ненависть, а какое-то ощущение себя посторонним, не в народе.

– В таких ситуациях эмигранты сетуют на отсутствие свободы...

– У нас сейчас одна из самых свободных в мире стран. И

у нас и сейчас есть масса людей среди интеллигенции, которые себя чувствуют в стране посторонними и всячески этот пытаются выразить. Видимо, эта тема Говорухина привлекла. И он говорил: «Я понимаю, что ты завидуешь, но подожди. Может быть, я и твою вещь возьму – „Любовь в эпоху перемен“. Но жалко, что она тоже о журналистах. Два фильма подряд о журналистах нельзя».

– *Когда вы в последний раз видели Станислава Сергеевича?*

– Давно. Где-то прошлым летом.

– *Один из авторов этого интервью нередко с ним созванивался.*

– Я тоже созванивался. Писал для его журнала статьи. Но с тех пор, как в Барвихе он затворился, не виделся...

– *Один из нас (авторов этого интервью) ходил в Галерею художников, на 9 дней с момента кончины Станислава Сергеевича. Вячеслав Володин приехал, были артисты, режиссеры. Такое было ощущение, как будто сидели и ждали его самого. Вот Говорухин, говорят, школу не оставил свою. Это несправедливо.*

– Как раз деятели культуры такого масштаба, как он, и с таким демократическим талантом, как у Говорухина – а это был очень демократический талант, – они уже остались

в отечественной культуре. Потому что до тех пор, пока будет существовать русская культура, люди будут смотреть и «Вертикаль», и «Место встречи изменить нельзя», будут смотреть его «Ворошиловского стрелка»...

– *В котором вы были соавтором сценария.*

– Да, это была первая наша совместная работа. Так что – с этим как раз все в порядке. Но я считаю, что есть какие-то вещи, которые надо обязательно делать. Например, Говорухин был замечательный писатель. Он написал немного, но то, что вышло из-под его пера, помимо сценариев: публицистика, мемуаристика какая-то, – это очень хорошо сделано.

Я думаю, что надо все это дело собрать и издать. И сценарии туда включить. Потому что, ведь из первого литературного сценария до фильма доходит ну, в лучшем случае, 50 процентов материала. И многие, прочитав эти первоначальные сценарии, той же «Вертикали», просто могут очень удивиться.

– *А еще он картины как художник писал.*

– Да, не все знают, что Станислав Сергеевич неожиданно во второй половине своей жизни стал работать как живописец. Я думаю, что многие бы купили альбом его живописных работ, который тоже можно издать, снабдив его какими-то комментариями, воспоминаниями тех художников, которые с ним работали. И, наконец, вот эта мысль, я о ней много

раз писал: у нас нет какой-то продуманной системы, того, что большевики называли монументальной пропагандой. И совершенно необъяснимо, почему в Москве есть памятник Бродскому, но нет памятника Пастернаку или Заболоцкому.

Сейчас мало кто помнит, что была в свое время на Беговой так называемая Литературная деревня, где жили очень многие писатели, в том числе и Заболоцкий, Ахматова, Гроссман. Почему бы там не поставить памятники этим выдающимся мастерам художественного слова? Зачем обязательно памятник должен стоять рядом с Красной площадью?

Второй момент. Почему бы где-то в окрестностях «Мосфильма» не сделать такую аллею памятников нашим выдающимся режиссерам? Почему там не почтить память Пырьева, Ромма, Бондарчука, Герасимова, того же Говорухина?

– *Нам такая идея нравится.*

– А что, в кинематографе Говорухин фигура менее значительная, чем Ростропович, памятник которому установлен? Я считаю, что – более. Все-таки Ростропович, при всем к нему уважении, был исполнителем. А Говорухин – создатель. Почувствуйте разницу. Может быть, здесь Карену Шахназарову, человеку с государственным умом, отпраздновавшему недавно 60-летие мэру Москвы Сергею Собянину, которому я шлю запоздалые поздравления из-за рубежа, – действительно, подумать и сделать там, рядом с «Мосфильмом», который уже практически центр Москвы, такую

аллею? И люди бы специально ездили, чтобы пройти и посмотреть на наших режиссеров.

– *В том числе – на Говорухина.*

– А Говорухин, извините, с его этой манерой такого английского аристократа из Одессы – сам был похож на памятник, который вышел на прогулку. Таковую – неторопливую. Это не насмешка, не укор. Например, Ролан Быков, которому там тоже должен быть памятник, он – по тому, как себя вел, был антипамятник. А Говорухин – в нем что-то было от памятника.

Я просто первым приду и положу цветы к его подножью...

«Комсомольская правда», 22 июня 2018 г.

«Кубышку открывают, чтобы задобрить либеральных деятелей искусства, а патриоты и так никуда не денутся...»

*Знаменитый писатель – о своей новой
должности, о министре Мединском и о том,
почему он так смело себя ведет в эфире Радио
«Комсомольская правда»*

«Я сам трижды просил денег на съемки фильма. Отказали...»

– ... Юрий, совсем недавно вас избрали председателем Общественного Совета Министерства культуры. Насколько нам известно – единогласно.

– Один голос против. Из 37-ми. И кто-то еще воздержался. Я был в это время в отъезде, в командировке, Владимир Мединский (министр культуры. – А. Г) позвонил мне, поздравил и немного удивленно сказал: «Я не думал, что у вас такая большая поддержка». – «Ну, может, вы во мне скоро разочаруетесь...»

– Да ладно... Ну, вот и вы тоже во власть пошли.

– Ну, во-первых, это не должность. При советской власти это называлось общественная нагрузка. И, я думаю, она приносит больше хлопот, чем дает какие-либо преференции. Работа, конечно, трудоемкая, но это не чиновничество.

От чиновничества я отказался раз и навсегда, когда в 1987 году меня приглашали на работу в отдел культуры ЦК. Я провел бессонную ночь – и отказался. Там упали в обморок: «Юра, ты понимаешь, что от таких предложений не отказываются?» Но я понимал: это – развилка. Или ты идешь в чиновничество, или ты идешь дальше в литературу. Я шел в литературу.

– Совет под вашим руководством что будет делать? Распоряжаться деньгами? Руководить Фондом кино? Исполнять роль цензора?

– Деньгами Совет не распоряжается, Фондом кино (который как раз ими распоряжается. – А. Г) не руководит. Задача Общественного совета – обращать внимание министерства, как государственной структуры, на важные проблемы, болезненные, я бы сказал, нашей культурной, духовной жизни и помогать выработать решение, исходя из интересов общества – потому он и называется Общественный.

А кубышка – она совсем в другом месте. И, к сожалению, открывается чаще всего для того, чтобы поощрить наших либеральных деятелей культуры. Они себе завоевали такое

право. Власть почему-то считает, что их надо задабривать и покупать, тогда они будут лояльны, а патриоты – чего их задабривать, они и так никуда не денутся... Наоборот, тот же драматург Поляков теперь сто раз подумает, прежде чем чего-то попросить у министерства культуры.

– *А вы что-то просили?*

– Ну, в 2015 году министерство культуры выделило деньги на «Смотрины» – международный фестиваль спектаклей по моим пьесам. В начале этого года принято решение о проведении «Смотрин-2018». Но хочу вас разочаровать, речь идет о суммах раз в пятьдесят меньше, чем те, которые получали Райкин или Серебренников. Их опыт подсказывает, что лучший способ добыть у власти денег – это ее обругать, обвинив в наступлении на свободу творчества. Сперва тебя дубасят, а потом – начинают задабривать, звать к сотрудничеству. Я, кстати говоря, этот механизм давно заприметил. Когда в 1985 году в журнале «Юность» вышла моя повесть «ЧП районного масштаба», в которой я жестко критиковал комсомол, – ее сначала сильно обругали, а через год дали мне премию Ленинского комсомола и избрали в ЦК ВЛКСМ.

– *Если вспомнить острую сатиру на власть в вашей пьесе «Чемоданчик», у вас большие шансы впасть в милость.*

– Не совсем так. Власть не любит, когда ее критикуют с патриотических позиций. С либеральных – пожалуйста. На-

пример, хорошая продюсерская группа захотела экранизировать этот мой «Чемоданчик» и мы подали заявку, как и все остальные, в Фонд кино, который для того и существует, чтобы за счет государства поддерживать кинематограф, опирающийся на серьезную литературу. И я вам хочу сказать, что, – несмотря на то, что я к тому времени был уже членом Общественного Совета, нам трижды отказали. Причем, ничего не объясняя. При этом легко выделили деньги на фильмы тех авторов, которые сейчас бурно негодуют, что власть взяла их за горло.

«Матильда» вышла из «Левиафана»

– Интересная ситуация получается. С 2014 года общественность сотрясают скандалы, связанные с фильмами. Начиная с «Левиафана» Андрея Звягинцева. Ну, трудно вообще вспомнить такую жесткую реакцию со стороны зрителей, какая была на этот фильм, потому что большинство аудитории посчитало его плевком в душу русскому человеку. Тем не менее, на Западе этот фильм завоевал много призов. А сейчас появилась вдруг «Матильда» Алексея Учителя, которая тоже почему-то вызвала бурную реакцию. Это закономерно?

– Почему вызвал у нашего зрителя раздражение «Левиафан»? Из-за критики российской действительности? Не думаю. Почитайте мой роман «Грибной царь». Там критики не

меньше, а то и побольше. Дело в другом: в Звягинцеве людей раздражает его какая-то утробная неприязнь к России, к нашему народу, к русским... А этого не скроешь.

– Почему же государство выделяет деньги на фильмы, которые не приносят каких-то моральных дивидендов этому же самому государству? Государство обязано как-то заботиться о своем имидже... Эти фильмы не должны разрушать само государство, мы так понимаем...

– А вот ответьте мне на такой вопрос: те люди, которые к 2001 году, когда Путин стал президентом, довели нашу страну практически до развала, до полного морального и экономического краха, до положения американского лакея, – они где сейчас? На Марс улетели, в Сибирь отъехали или в хосписах свою вину искупают? Где они работают?

– В «Роснано», например.

– Они остались в государственных структурах на больших постах и перешли в «спящий» режим... Понимаете, в искусстве скрыть свое истинное отношение к стране, к народу, к людям невозможно. На экране все видно, как под увеличительным стеклом. Я в середине 1990-х вел передачу на телевидении... И вот я еду в метро на прямой эфир и вдруг с ужасом понимаю, что не выключил чайник дома! Вернуться уже не успеваю. Мобильного телефона тогда не было. Во всяком случае, у меня. Опоздать на прямой эфир я тоже не

могу. Ну, думаю, гори все огнем... После эфира подходит ко мне режиссер передачи, очень опытная, телевизионщица с большим стажем, Роза Михайловна Мороз, и спрашивает: «Юрочка, что с тобой сегодня, о чем ты все время думал? У тебя в глазах, даже когда ты улыбался, тревога была».

– *Но в фильме-то нет глаз режиссера!*

– Есть! Вот в том-то и дело: искусство – это те же глаза на экране, да еще крупным планом. Ты можешь говорить все, что угодно, но, если ты не любишь «этот» народ, если ты «эту» цивилизацию считаешь «помоечной» – а Звягинцев именно так ее видит – зритель сразу чувствует и не прощает.

– *Но «Матильда»-то тут каким боком?*

– Да это вообще костюмированный альковный гламур... Вампука. То, что вокруг этого в общем-то дорогого, но художественно беспомощного фильма поднялись такие страсти, – виноваты наши импульсивные патриоты, которые сначала вопят, а потом думают. Вы заметили: как только посмотрели фильм, разговоры закончились. Потому что говорить не о чем... А что вы хотели от Учителя, если в самом трагическом и плодотворном периоде жизни Бунина его заинтересовала только история, когда молодая любовница ушла от Нобелевского лауреата к лесбиянке? Это ведь главное в фильме «Дневник его жены»... Так с какой стати в истории царя Николая Второго режиссера будет интересовать

трагедия государства, империи, трагедия народа? Он по другой части тела...

«Возможна ли сейчас цензура? Смотря какая...»

– Юрий, вот многие читатели, зрители, обсуждая «вредные» для государства фильмы, требуют цензуры. Они хотят, чтобы были какие-то органы, которые заранее читали бы сценарии: вот это будем ставить, это – не будем... Какая ваша позиция? Может быть, для этого ваш Общественный Совет и призван?

– Цензура, тотальная, которая была в СССР, в нашем государстве сейчас просто невозможна.

– А речь-то идет как раз не о тотальной. Мы ж не собираемся цензурировать всех творческих людей. Речь – о государственных средствах.

– Это не цензура. Цензура – запрет. А речь идет о восстановлении нормального профессионального контроля над идейно-художественным уровнем и направлением произведения. Как была организована эта система при Советской власти? Существовали редактора, художественные советы. Вот я, скажем, сценарист, предлагаю литературный сценарий и у меня его студия покупает. (Сейчас это делает продюсер.) Дальше студия или Госкино (ныне – продюсер) ищут режиссера. У режиссера же – свое видение моего лите-

ратурного сценария, пишет свой сценарий – режиссерский. Все это обсуждается. Даются советы, рекомендации. Иногда, жесткие. Но такого, чтобы литературный сценарий – одно, а фильм – другое, не было. Подобные казусы начались в перестройку. Я сам был одной из первых жертв презрения к первоначальному замыслу. И фильм «Сто дней до приказа» в результате не имел никакого отношения к моей одноименной повести. Я хотел закрыть этот фильм, но меня упростили этого не делать, потому что иначе сняли бы с работы моего приятеля Володю Портнова, который был главным редактором студии имени Горького и секретарем партийной организации. А у него – дети, и обстановка в стране тяжелая...

– То есть – сейчас у нас цензуры вообще нет? – Унасонатеперь-корпоративно-политическая.

И выражает интересы не государства, не народа, а корпораций и политических кланов.

– И государство ничего не может противопоставить этому?

– С этим бороться очень трудно. Вот вам пример... В свое время по просьбе Администрации президента мы учредили общегосударственную литературную премию «За верность слову и Отечеству».

– Да, была такая.

– Прежняя Администрации Президента была озабочена тем, что основные федеральные литературные премии – «Большая книга», «Букер», «Нац-бестселлер» – они, как и «Золотая маска», – имеют, скажем мягко, либерально-экспериментальное направление. В этом ничего плохого нет, если одно направление не становится монопольным. И чтобы немного перекос устранить, была создана наша премия, нам выделили деньги, гранты, мы ее раскрутили за пять лет, превратили во влиятельную, писатели с патриотическим взглядом воспрянули: «Ого, оказывается, мы тоже нужны государству!...» И вдруг год назад – хлоп! – сделали вид что нашей премии нет, то есть, в финансовой поддержке она не нуждается. А премия без денег – это как женщина без взаимности. Понятно, что я сам не наберу деньги на это дорогостоящее мероприятие. И вышло так: для «Большой книги», «Букера» и так далее деньги нашлись, а для единственной общенациональной литературной премии с государственно-патриотическим отчетливо уклоном – нет. В итоге: она тихо, без райкинских воплей исчезла. И что?

– *А в результате появляются уренгойские мальчики.*

– Да, да. Уренгойские мальчики – это следствие. В этом все дело...

«Культуру защищать надо. А глава Минкульта сам отобьется»

– Юрий, одни говорят – сейчас надо спасать культуру. Другие – министра Мединского. Третьи – Минкульт в целом... А вы как считаете?

– Хочу заметить, у нас впервые за много лет во главе этого ведомства человек с отчетливо патриотической точкой зрения на культуру.

– Отсюда следует, что вы будете рьяно защищать министра культуры Мединского.

– От облыжных нападок надо защищать любого человека, а тем более министра, на которого нападают именно за его государственную патриотическую позицию.

– А вы как собираетесь биться за министра, – боксерские перчатки наденете, что ли?

– Зачем перчатки? Достаточно аргументов. А их в избытке.

– Нам кажется, с Мединским вообще ситуация парадоксальная. Потому что его бьют и оттуда, и отсюда. И справа, и слева.

– Да. В этом-то и дела.

– Но, нам кажется, он никого не боится...

– А Мединский сам отобьется...

– Это же он вас призвал в Общественный Совет?

– Вообще-то, меня избрали. Но было бы хорошо, если бы где-то в управлении кадрами Администрации президента имелся такой аппарат с дырочкой: приходишь за новым назначением, суешь палец, и выскакивает надпись: «Патриот». Или: «Патриот условный». Ну, или: «Антипатриот».

– Вы шутите?

– Конечно, но, как говорится, в каждой шутки есть доля шутки. Во власти антипатриоты работать не должны. В бизнесе – ради Бога, только все в офшоры не утаскивайте... Я сталкивался с очень высокопоставленными людьми, слово «патриотизм» их губы еле-еле артикулируют! Если бы вы знали, как им тяжело это делать...

– Можете назвать их имена?

– Да, конечно – сейчас закончим разговор, я вам набросаю по алфавиту... Они во власти ради себя и ради своего клана, а не ради страны и народа. Это чувствуется. И вот у нас в кои-то веки появился министр не только с отчетливо патриотическим взглядом – такие были у нас и раньше – но еще и с хорошей деловой хваткой. Но вы же понимаете, что

все в конечном счете делает среднее звено.

– *То есть, скандалы, которые сейчас кипят в отношении культуры... Вот дело Серебренникова...*

– Ну, к делу Серебренникова, насколько я понимаю, министерство культуры не имеет отношения.

– *Как, не имеет?*

– Ну, не они же ему советовали вот так обходиться с государственными деньгами?

– *Как? А деньги кто выделил?*

– Напомню, этот проект в свое время горячо поддерживался Администрацией президента, как образец современного культурного кластера.

– *То есть, все то же самое, как бы сценарий – один, а на сцене – голые актеры?*

– Ну, конечно, и то же самое там с Райкиным. Ну, как не выделить деньги на реконструкцию театра? Но никто ж не знал, что рядом вырастет торговый центр, понимаете? А театр будет стоять в лесах...

– *А законы вообще в культуре существуют какие-то?*

– Нет, особых законов в культуре при использовании государственных средств нет. Как для всех остальных.

– *Что вы будете советовать на Общественном совете Мединскому?*

– А что советовать? И так все ясно. Если деньги выделили на театр, значит, их надо тратить на театр. Если – на ремонт, значит, их надо расходовать конкретно на проекты, стройматериалы, рабочих... Если – на постановку современной драматургии, надо ставить именно ее, а не глумиться над классикой!

– *А что, если и вам – ну, чтобы вот с вами рассчитаться – скажут, что у Поляков, ну, к примеру, образ женщины-Президента России списал ... с Ксюши Собчак? Я вот смотрел «Чемоданчик» – ну, очень похоже... Хотя спектакль этот поставили в «Сатире» еще два года назад!*

– Ну, если буду сильно активничать, могут и такую запустить утку. Эта «либеральная жандармерия» – публика серьезная.

– *Вы уж поосторожнее там – в своем Общественном-то совете!*

– Ну, «Комсомольская правда» за меня заступится в случае чего? Или не факт? (смеется)

– *Смотря как далеко вы зайдете... (тоже смеемся)*

– ... *И вот теперь у Юрия Полякова, нашего любимого писателя и драматурга, останется время, чтобы обогатить нашу культуру?*

– Кто хочет убедиться в том, что я не только в «Комсомольской правде» смелый и острый, но и в драматургии, внимание: 14 декабря будет премьерный показ во МХАТе имени Горького моей комедии «Золота партии», которая в версии театра называется «Особняк на Рублевке».

... И о памятниках

– *В последнее время в нашей стране все чаще и чаще открывают памятники... Александру Третьему в Крыму, до этого – Ивану Третьему в Калуге.*

В Москве вот Стена скорби появилась и памятник конструктору Калашиникову. А до этого Сергей Степашин открыл несколько памятников, как глава Императорского Православного палестинского общества...

– А вы знаете, что памятник Ростроповичу стоит на том месте (это Сверчков переулок), где должен был стоять, и он уже был утвержден соответствующей комиссией московской власти, – памятник Николаю Карамзину, великому истори-

ку. Но Карамзину к 200-летию не поставили – денег не собрали. А на Ростроповича деньги собрали. И я всегда спрашиваю – а почему вот Плисецкой памятник есть, а Улановой нет? Мне отвечают – потому что Плисецкой деньги собрали, а Улановой не собрали. И это неправильно, потому что памятник – не коммерческое предприятие. Свиридову, кстати, к 100-летию тоже не поставили памятника.

– *Может быть, вам, как председателю Общественного совета Минкульта, и поднимать теперь эти вопросы?*

– А почему бы и нет? Может, мы и поднимем этот вопрос.

– *А вы уже конспект приготовили для своего выступления?*

– Да, приготовил, но, когда к вам собирался, забыл на столе.

– *Вы что-нибудь добавите из того, что мы вам вот предлагаем?*

– Конечно. Как вернусь домой, сразу добавлю!

**«У меня цензура дома есть,
моя жена. Но я ее обманываю»**

– *Юрий, одна из главных претензий к «Матильде» была в том, что там есть постельная сцена... А почитайте По-*

лякова, у него секс, эротика – через каждую страницу...

– Да, да, я смолоду интересуюсь этими вопросами... (смеется) Главное, что это замечаете не только вы, моя жена тоже замечает... Ее, кстати, больше, чем вас, это удивляет.

– *А вы свои произведения супруге Наталье показываете еще в рукописи?*

– Нет, когда уже напечатаны и ничего нельзя сократить. У меня цензура дома есть, но я ее обманываю, у меня свои способы. Почему Учителю можно за казенные деньги придумывать разные сексуальные фантазии про Николая Второго, а мне – нет? За свой счет...

– *Да? И вы, как председатель Общественного совета, вот с этими сценами сексуальными пропустите ваши сценарии?*

– Я вам скажу больше. Как председатель Общественного совета, я заканчиваю новый роман, где события происходят в 1983 году, и называется он «Веселое время», – и там столько секса, что, боюсь, выгонят из дома.

– *Нет, у вас же – в смысле, в книгах, – и представители власти этим занимаются...*

– Они с особым энтузиазмом этим занимаются... Если вернуться к «Матильде». Я человек православный, крещен в младенчестве бабушками. Но... Нельзя при оценке произведения путать реальную историческую фигуру и канонизи-

рованного мученика. Если мы почитаем про то, что делали некоторые святые до того, как стали святыми (тот же Владимир-креститель, та же Мария Магдалина) мы лишь подивимся чуду просветления и преображения. По сравнению с ними молодой горячий Николай Александрович, будущий император, – просто, знаете ли, монах. Ну, был у цесаревича роман с балериной! И что? Меня куда больше огорчает, что он допустил в стране разрушительную смуту, погубившую всю империю, миллионы людей и царственную семью. Вот о чем надо фильмы снимать...

03.12.17

«Хотите завоевать доверие молодежи? Разберитесь с коррупцией, а не имитируйте борьбу с ней»

Знаменитый писатель, который начинал с «ЧП районного масштаба» – в эфире Радио «Комсомольская правда» – о том, чего не хватает сегодняшним девушкам и парням...

«И мы были юны. Но самопогрома не хотели»

Знаменитый писатель и главный редактор «Литературной газеты» Юрий Поляков – один из любимых наших героев, никогда не приходит в «Комсомолку» с пустыми руками. Его новая книга называется «По ту сторону вдохновения».

– Юрий, мы так поняли, что это публицистика?

– Я назвал этот жанр «публицистические мемуары». Я рассказываю историю написания, публикаций, как правило, драматическую, моих книг, начиная со скандальных «100 дней до приказа», «ЧП районного масштаба», описываю, как мой «Демгородок» запрещали уже победившие демократы,

рассказываю о моих сложных отношениях с нашим театральным миром, пораженным грибком «Золотой маски».

– Вы правильно начали, Юрий, потому что мы вас всегда воспринимали как литератора для молодежи и о молодежи. А сегодня есть у нас ощущение, особенно после молчаливых митингов конца марта, что произошел разрыв между поколениями.

– Когда я сам и мои сверстники были юны, и мой жизненный опыт тоже был юн, мои книги, действительно, адресовывались в основном молодежи и продвинутым представителям старшего поколения. Но по мере того, как я старел и, надеюсь, умнел, естественно, менялась и моя аудитория. Теперь меня читают в основном старшие поколения, а также продвинутая молодежь. Впрочем, постоянно переиздают и «Работу над ошибками», и «ЧП районного масштаба». «Работу...», например, недавно перевели в Чехии. Им оказались интересны отношения учителей, учеников, школьные проблемы, а они вечны... Хотя эта вещь написана, страшно сказать, в 1986 году.

Что касается разрыва... Понимаете, молодежь всегда склонна к максимализму. Она остро воспринимает несправедливость, обидные несовершенства общества: незаслуженное богатство и незаслуженную бедность, незаслуженную славу и незаслуженное забвение. Это нормально и понятно.

Так и должно быть. Но из-за этого максимализма, из-за того, что в жизни много несправедливого, что и мне не нравится, – совсем не обязательно сносить существующее устройство социума до основания. На обломках жизнь станет еще несправедливее. И мы, пережившие 1990-е, это хорошо помним. Лучше все-таки менять что-то в рамках существующего миропорядка. Опыт той же Америки, счастливо избежавшей после гражданской войны социальных революций, показывает: стабильность и преемственность приводит к лучшим результатам. Вот я, например, был категорически против того, что произошло в 1991 году – против слома всех основ тогдашнего общественного строя.

– Сам готовил, готовил Поляков перестройку, а потом, когда она произошла, он говорит – ой...

– Правильно, писатели готовят перемены, а мятежники устраивают под видом обновления хаос. Мы все хотели перемен во благо, а не самопогрома. Не наша вина, что политический класс оказался безответственным, а наши протесты использовали и возглавили горлопаны, вроде Коротича (в годы перестройки главный редактор главного перестроечного журнала «Огонек» – *Авт.*), который потом уехал и прекрасно живет за границей. Даже Евтушенко, который обещал, «если будет Россия, значит, буду и я», как только увидел, что все посыпалось, тут же уехал в Америку. А разгребали и расхлебывали все то, что наворочали в 90-е годы, мы, –

те, кто остался в своей стране.

Сегодня страна идет к повторению драмы 1990-х. А что вы хотите? Государство не только совершало ошибки в экономике и социальной сфере, оно из казны двадцать лет оплачивало моду на фронду всячески лелеяло в творческой и медийной среде именно тех, кто прямо или исподтишка настраивал общество, особенно молодежь, на новой самопогром. К сожалению, им давали премии в театре, в кино, в литературе. Им помогали снимать фильмы, ставить спектакли, издавать книги. Когда один из главных идеологов страны сказал мне, что исторические компиляции Акунина – это круче Карамзина, Соловьев и Ключевского, я понял: к нашим стенам уже подвезли катапульты. В результате воспитано поколение молодежи, готовой снова свергать, демонтировать, пускать под нож все, что, по ее мнению, мешает. А те, кто предупреждает: погодите, через год после переворота вы будете локти себе кусать, для этой молодежи – увы, не авторитет... Потому что таковых отсеяло, оттерло само государство. Мой голос не слышат те, кому сейчас 20–22 года, для них авторитетна Ксения Собчак с кофемолкой вместо мозгов...

– Да уже и не Ксения Собчак, а более молодые ребята, которые пишут залихватские блоги в соцсетях и имеют собственных менеджеров по рекламе...

– Для меня Собчак – это собирательный тип, вроде куклы Барби. Когда я налетаю на какой-нибудь блог, я поражаюсь

тому, насколько невежественны эти молодые люди: ничего не читали и ничего не знают за исключением узкотусовочной информации. Кроме уверенности в себе, нет ничего, к сожалению. Но есть безоговорочно доверяющая блогеру такая же юная и малообразованная аудитория...

«Посадки тех, кто ссорится с УК, снимут 90 % напряжения»

– А что теперь делать? Как завоевать доверие молодежи? Какой-то новый комсомол создавать?...

– Конечно, сеть молодежных организаций, нацеленных на образование и социальную адаптацию, не помешала бы. Но куда эффективнее устранить из нашей жизни то, что всех злит. Коррупцию, прежде всего. Чтобы вернуть доверие к себе, власть должна провести очень жесткую ревизию своих кадров. Ты не можешь объяснить, откуда у тебя такие деньги, почему твои дети ездят по Москве на миллионных авто и сшибают зазевавшихся граждан, почему у тебя собственность и семья за границей, а здесь «вахтовая шарашка»? Не можешь. Тогда извини, освободи кресло и посиди в другом месте. Те, кто не ссорился с Уголовным кодексом, а просто использовал несовершенство, иногда нарочитое, нашего законодательства, должны просто уйти. Мы живем в правовом государстве, и, конечно, не можем посадить человека, если он нашел бреши в законе, но осудить его морально можем.

Если ты залез на склад, воспользовавшись дыркой в заборе, тебя не обвинят в краже со взломом. Но хвалиться тут нечем. И это снимет 90 % претензий оппозиции. Не мешало бы почаще напоминать с экрана не только о мужьях престарелой певицы, но и о том, что страна развивается, строится, восстанавливает промышленность и армию. Слава Богу, империалисты помогли сельское хозяйство реанимировать...

– А, санкциями?

– Санкциями, да. Вашингтон помог – спасибо ему – сделать то, чего не мог Кремль за 20 с лишним лет. Нерешительность, неспешность государства в борьбе с коррупцией нестерпима для молодежи. Это нам с вами, тертым волкам эфира, можно объяснять нюансы и обстоятельства. А молодые этого не понимают. Говорят: этот – вор. Почему не в тюрьме? Украл? Понастроил дворцов на неизвестно как к нему попавшей земле? Почему он еще во власти? Вот и все. Молодежь не станет копаться в оттенках серого. Им скажут: все чиновники – воры. Они верят – все воры. Ату их! Особенность психологии молодости дает возможность нечистоплотным «вождям», нечистым на руку, манипулировать сознанием, тасуя и подтасовывая факты.

– А лично вас удивило то, что произошло в начале весны, когда было холодно в Москве и вдруг молодежь поперла из метро, а полиция не знала, что делать: задерживать, не

задерживать?

– Нет, меня не удивило. Я понимал, новая «болотная» волна неизбежна. Это, если хотите, лишь предгрозье. Ведь власть почти не сделала выводов из прежних событий. Не поняла или недооценила, что с помощью политтехнологий, манипуляций молодым сознанием, с помощью различных организаций, которые финансируются из-за рубежа, можно устроить бурю. Не заметил я особых изменений в информационной и молодежной политике. Взывающим не верят, за зовущими не идут. Власть может совершать самые непопулярные поступки, но она должна их объяснять. К сожалению, в последние годы она все реже раскрывает мотивы некоторых своих поступков, например – в сфере коррупции, в отношении компромата на персон высшего звена. И этим сразу воспользовались. Накрутить молодого человека легко. А вот привести в норму, в сознание – очень сложно. В ухо дать проще, чем долго втолковывать... Прежде, чем дать в ухо, Макаренко долго объяснял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.